

Корф Федор Федорович

**Воспоминания о Персии 1834-1835
ГГ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Федорович К.**
Воспоминания о Персии 1834-1835 гг / Корф Федор Федорович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 300 с.

ISBN 978-5-519-90528-2

ISBN 978-5-519-90528-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

III

въ пріятныя формы, я не хотѣлъ досаждать читателю этими несносными фразами, которыми многіе путешественники превращаютъ въ ничто все, что не относится къ описываемой ими странѣ. Будучи весьма далекъ отъ такихъ злонамѣренныхъ замысловъ, я говорилъ, что самъ видѣлъ или самъ слышалъ отъ достовѣрныхъ людей. Сужденія мои могутъ показаться ошибочными, поверхностными, дурными, — но вѣрно ни кто не скажетъ, что бы я имѣлъ въ виду умысленно вводить въ заблужденіе читателя, — грѣхъ тяжкій, котораго я боюсь страшно и стараюсь избѣгать всегда. Повторяю еще разъ, я никакъ не ставлю себя на ряду тѣхъ путешественниковъ, которые изъ хвастовства, или по какой нибудь другой причинѣ, считаютъ долгомъ и обязанностію хвалить безъ пощады все ими видѣнное.

Въ свое оправданіе долженъ я сказать, противъ могущихъ подняться на меня обвиненій, что я смотрѣлъ на Персію не какъ оріенталистъ, не какъ ученый, но просто, какъ Европейецъ, попавшій въ Азію и записывающій все что бросается ему въ глаза. Это сознаніе, надѣюсь, избавитъ меня отъ многихъ нареканій

VI

со стороны нашихъ Зоюловъ. Впрочемъ, претензіи мои, при изданіи въ свѣтъ этихъ листовъ, вовсе не велики. Если найдутся добрые люди, которые будутъ читать ихъ не въ видѣ лекарства отъ бессонницы, а такъ, въ видѣ чтенія не скучной книги, съ меня довольно.

Кажется предисловіе не длинно, вы не можете побранить меня за это, почтеннѣйшій читатель, и вамъ досадно однакоже, что вы съ самаго начала книги не можете обвинить въ чемъ нибудь бѣднаго автора. — Богъ съ вами!

ГЛАВА I.

Отъездъ изъ Петербурга.—Георгиевскъ.—Екатериноградъ.—Владикавказъ.

Девятнадцатое Августа 1854 года памятный для меня день. Я простился съ матерью, съ родными, съ друзьями. Тяжело было для меня это прощаніе; сколько разнородныхъ мыслей тревожило мой умъ, сколько чувствъ тѣснилось въ сердцѣ. У меня, какъ то можетъ быть у многихъ подобныхъ мнѣ, разставаніе и мысль о вѣчной разлукѣ соединены тѣснѣйшими узами, и потому пожатіе руки другу, взглядъ на знакомые предметы и съ ними слово прощанья, наводятъ на ме-

ня необыкновенную тоску. Но чтоже дѣлать? *Der Mann muß hinauß*, говоритъ Шиллеръ, и придерживаясь этаго-то правила я собрался ѣхать въ Персію. Въ порядкѣ вещей было-бы долго не рѣшаться покинуть берега Невы и шагнуть черезъ всю Россію въ Азію, однако пренебрегая этимъ порядкомъ, я не долго призадумался: подорожную въ карманъ, шинель на плечи, самъ сѣлъ въ бричку, будущаго посадилъ на козлы, и ухорская почтовая четверка промчала меня по всему Петербургу, мимо шлагбаума, на Московскую дорогу.

Теперь я прощусь съ вами, любезный читатель, я поѣду съ станціи на станцію по Россіи, не стану вамъ говорить о ней: Московскій трактъ такъ извѣстенъ, Тула, Воронежъ, Новочеркасскъ также, мы свидимся съ вами у подножія Кавказа. Пока я буду ѣхать, спать въ экипажѣ, глотать пыль, освѣжаться дождемъ, браниться съ станціонными смотрителями, чинить бричку, скучать, изнемогать отъ усталости, однимъ словомъ, наслаждаться всѣми прелестями ѣзды, чѣмъ бы занять мнѣ васъ? Рѣшительно не знаю. Хотя на бумагѣ ѣдется гораздо скорѣе чѣмъ по самой изящной чугунной дорогѣ, чѣмъ по самому отличному шоссе, не говоря уже о натуральной землѣ доставшей-

ся въ удѣлъ нашимъ отечественнымъ путямъ сухопутнаго сообщенія, но тѣмъ не менѣе все таки пройдетъ время. Что же дѣлать?—Приложить по примѣру предшественниковъ моихъ краткую исторію Персіи! — Нѣтъ, я не хочу этого по двумъ весьма уважительнымъ причинамъ: во первыхъ потому что вы обучались этому въ дѣтствѣ, а во вторыхъ потому что я вообще не терплю ничего *краткаго*, считая слово это синонимомъ *пустаго* или ни куда негоднаго. Говорить вамъ о томъ, что я чувствовалъ, что я думалъ во время пути? — Для васъ скучно, а для меня непріятно. Что же дѣлать, что же дѣлать?—Лучше всего поставить точку и провести тире *Finis* und *Gedankenstrich*, каковыя знаки могутъ изображать все что угодно, даже краткую исторію Персіи. И такъ, почтеннѣйшій читатель, отложите книгу на часъ или на полчаса въ сторону, и займитесь въ это время чѣмъ вамъ заблагоразсудится, я ставлю точку и тире. —

Я въ Георгіевскѣ, здѣсь уже пахнетъ Кавказомъ.

— Здравствуйте почтенная хозяйшка, нѣтъ ли у васъ въ трактирѣ чего нибудь поѣсть?

— Не знаю, батюшка, ничего, у меня страшная лихорадка, измучила проклятая.

— Благодарю за это угощеніе, у меня въ бричкѣ нѣтъ мѣста для такой поклажи. Не льзя ли накормить?

— А вотъ спросите сына. Ваня! Ваня!

Явился Ваня въ сѣромъ сюртукѣ съ прилизанными на головѣ волосами.

— Почтеннѣйшій, дайте мнѣ поѣсть и отпустите поскорѣе.

— Чего прикажете? есть рыба подѣ желе-
емъ, есть жареные фазаны.

— Давайте рыбы подѣ желеемъ, давайте жареныхъ фазановъ, давайте чего-нибудь, только давайте; ваша медленность можетъ погубить васъ, у меня и на васъ зубы подымутся.

Подано, съѣдено.

— Нѣтъ-ли напиться, вина, какое у васъ есть?

— Есть прекрасное Сантуринское.

— Покорно благодарю, я не нуждаюсь въ лекарствахъ, я пробоваль въ Ставрополѣ прекрасное Сантуринское и до сихъ поръ съ нимъ еще не раздѣлался.

— Другаго вина нѣтъ-съ, а есть Нарзанъ.

— Давайте, давайте!

Какъ не выпить Нарзану, этой живительной влаги отъ которой говорятъ только-что мертвецы не воскресаютъ.

— Хорошо, однакоже должно быть не первый сортъ, что-то слабенько.

— Помилуйте, и въ Пятигорскѣ лучше нѣтъ.

— Положимъ такъ, велите-ка подавать мою бричку.

Подана.

— Охъ, какія у васъ скверныя лошади.

— Говьба большая, все ѣдутъ съ теплыхъ водъ.

— Прощайте, пошелъ! стой, стой! Хозяинъ, хозяинъ! что это тамъ виднѣется черно-ватое и бѣловатое?

— Это-съ называютъ Ассессорское кладбище.

— А! понимаю, прощайте, кланяйтесь вашей матушкѣ, дай Богъ ей поскорѣе избавиться отъ лихорадки.

Пошелъ!

Боже мой! какая грязь, какая большая деревня! Что это такое?—Екатериноградъ.

Не красивъ, нечего сказать, грѣхъ бы похвалить его.

Кто бывалъ на Кавказѣ, тотъ знаетъ что такое Екатериноградъ, тотъ знаетъ какіе ужасные слова нераздѣльны съ этимъ собственнымъ именемъ, слова: «конвой, почта и и наконецъ самое убійственное *оказія*». Хуже этого слова не существуетъ никакого выраженія ни на какомъ языкѣ въ мірѣ. *Оказія* значитъ: живите въ Екатериноградѣ нѣсколько дней въ дурной избѣ, питайтесь чѣмъ угодно; выходите если это васъ забавляетъ на грязную улицу поглядывать не ѣдетъ-ли запоздалая почта или какой-нибудь курьеръ, который выгнать васъ изъ вашего жалкаго мѣстопребыванія, живите надеждою, забудьте настоящее, вычеркните его изъ числа дней жизни вашей, предавайтесь сколько угодно скукѣ, унынію, отчаянію, на ваши вопли не будетъ отголоска, никто не подастъ вамъ руку помощи кромѣ слѣзнаго случая, а на это, какъ извѣстно, иногда плохо надеяться. Одно съ чѣмъ бы можно сравнить пребываніе въ Екатериноградѣ въ ожиданіи *оказіи*, это карантинны на Араксѣ, но объ нихъ еще не время говорить.

Я полагаю однако, что изъ всего сказаннаго мною вы не можете имѣть точнаго понятія о томъ, что есть *оказія*; пора сказать вамъ это какъ слѣдуетъ толково.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что дорога между Екатериноградомъ и Владикавказомъ пролегаетъ черезъ Кабарду, мѣсто не совсѣмъ безопасное отъ набѣговъ Черкесовъ, которые иногда изволятъ нападать на путешественниковъ. Въ отвращеніе подобныхъ случаевъ всѣ ѣдущіе по этой дорогѣ отправляются изъ Екатеринограда съ конвоемъ, а такъ какъ не достало-бы никакого гарнизона для провожанія каждого путешественника особенно, то и ссѣ назначенные дни, въ которые, вмѣстѣ съ приходящею изъ Петербурга почтою, отправляются цѣлые караваны. Вся штука расчетливаго путешественника состоятъ въ томъ, чтобы поспѣть въ Екатериноградъ именно въ тотъ самый день, когда отходитъ почта. Но эта штука по извѣстной пословицѣ, что «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ» не всегда удается: дурныя дороги, недостатокъ лошадей, и тому подобныя путевыя приключенія замедляютъ иногда ѣзду такъ, что вмѣсто того чтобы поспѣть къ сроку, пріѣдешь нѣсколькими часами позже и тогда, все пропало, надобно ждать *оказіи*, т. е. прихода другой почты, экстреннаго курьера или случайной пересылки солдатъ съ одного поста на другой. Теперь вы постигаете смыслъ гибельнаго слова *оказія*, вы понимаете всѣ му-

ки претерпѣваемыя человекомъ ожидающимъ оказіи.

Къ счастію моему прибылъ я въ Екатериноградъ вечеромъ наканунѣ отхода почты, такъ что мнѣ оставалось прожить въ этомъ эдемѣ только одну ночь. Нашествіе на мою особу вражихъ силъ въ теченіи этой ночи не произвело на меня рѣшительно никакого впечатленія, потому что я только и дѣлалъ что благословлялъ судьбу спасшую меня отъ явной гибели, въ случаѣ если бы я пріѣхалъ не въпопадъ на проживаніе въ Екатериноградъ. Въ 8 часовъ утра барабанный бой, возвѣщающій сборъ на назначенное мѣсто, воззвалъ отъ сна всѣхъ чающихъ отправления. Всѣхъ возможныхъ видовъ экипажи потянулись съ разныхъ концовъ Екатеринограда къ карантину. Разнаго рода брички, коляски, кибитки, телеги набитые Русскими, Армянами, Грузинами, огромная стая Татаръ съ намазанными арбами (родъ телегъ на двухъ большихъ колесахъ), стадо барановъ, нѣсколько быковъ,—все это очутилось вдругъ какъ-бы посредствомъ волшебства на сборномъ мѣстѣ; военные, статскіе, купцы, мѣщане, мужики, казаки, конвойные пѣшіе солдаты, все явилось на этомъ базарѣ, суется страшная; одинъ забылъ узелокъ, проситъ подождать, другой